

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Валерии ВЕРБИНИНОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

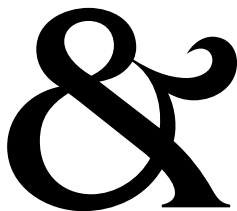
В поисках Леонардо

Сокровища французской
короны, или Адъютанты
удачи

Бриллиант Фортуны

Письма императора

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Валерия ВЕРБИНИНА

Письма
императора

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Вербинина, Валерия.

В31 Письма императора / Валерия Вербинина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-089793-3

Нет ничего прекраснее любовных писем — и ничего хуже, если они попадут в руки ловкого шантажиста. А если автор посланий — сам государь-император? Огласка грозит России международным скандалом... Секретному агенту Амалии поручено любой ценой вернуть их. Взявшись за это дело, она даже не подозревала, что ценность представляет не только тайная переписка Александра III с возлюбленной, но и шкатулка, в которой она хранится. И за тем, и за другим охотится немало авантюристов, среди которых сам принц парижских воров...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-04-089793-3

ПРОЛОГ

Он бежал.

Перепрыгивая через две ступеньки, он слетел с лестницы. Входная дверь была заперта, но Франсуа было не легко смутить подобными мелочами. Вскочив на подоконник, он локтем выбил стекло и, кое-как выбравшись наружу, прыгнул в сад.

— Держи его!

Мимо — бледные силуэты томных статуй, мимо — почти черные в сумерках деревья, похожие на застывших драконов. Откуда-то издалека донесся лай собак, и Франсуа похолодел.

— Держи его, Этьен! Он бежит к ограде!

Но Франсуа уже сидел на ограде верхом. Перекинув через нее вторую ногу, он скользнул на улицу, на которой в этот поздний час почти не было фиакров.

— Держи, держи, уйдет!

Сердце колотится, как бешеное, в висках молотом стучит кровь, дыхание со свистом вырывается изо рта. В голове — только одна мысль: бежать! бежать! бежать!

— Держи-и-и!

К воплям возмущенной прислуги присоединяется полицейский свисток, который заливается соловьиной трелью. На перекрестке ему отвечает другой. Ах, что за невезение!

Франсуа выскочил на перекресток, боднул полицейского, который пытался его остановить, и что есть духу понесся дальше.

— Стой! Стой, мерзавец!

Еще один полицейский, на ходу доставая пистолет, кинулся наперерез Франсуа. Но тот легко увернулся и, чтобы отвязаться от преследователей, нырнул в узкую темную улочку, освещенную одним-единственным газовым фонарем. Сзади доносился топот чьих-то ног, и этот топот с каждым мгновением становился все ближе.

Куда теперь, Франсуа?

Кот, почти неразличимый во мраке, с возмущенным воплем шмыгнул из-под ног бегущего. Франсуа чертыхнулся, споткнувшись, но уже в следующее мгновение побежал дальше. Он задыхался и держался рукой за бок, в котором отчаянно кололо. Впереди уходила во тьму улица, казавшаяся бесконечной, а справа смутно белела стена какого-то особняка. Это был изящный, пожалуй, даже аристократический дом, стоявший здесь не один век, и Франсуа, мгновенно приняв решение, бросился к нему. Нашупав в кармане связку отмычек, он с облегчением перевел дух.

Замок поддался почти сразу, и Франсуа уже находился внутри, когда преследователи поравнялись с особняком. Мысленно он воздал богу хвалу за то, что дверь затворилась без всякого скрипа, и подумал: «Еще какое-то время они будут прочесывать улицы, а когда поймут, что я ускользнул, им ничего не останется, кроме как вернуться восвояси несолоно хлебавши. Во всяком случае, им никогда даже в голову не придет искать меня здесь».

Франсуа немного расслабился. Вытерев пот со лба, он стал осматривать убранство особняка. Все предметы находились на своих местах, но у висящих на стенах

портретов был какой-то кислый вид, и Франсуа поневоле заключил, что в этом красивом доме давно живут чужие люди. Если, конечно, здесь вообще кто-то живет. Ведь сейчас лето, и многие предпочитают это время проводить на водах или на юге...

Тут ему в голову пришла другая мысль — а нельзя ли тут чем-нибудь пожить? Конечно, это не такой богатый дом, как у герцогини де Лотреамон, но все-таки... Прислуги нигде не видать, и вообще, грех отказываться от того, что само плывет тебе в руки.

Успокоив себя этим рассуждением, он осторожно зажег лампу и двинулся вверх по огромной лестнице, отделанной розоватым мрамором. По пути Франсуа настороженно прислушивался, не раздастся ли в недрах дома какой-нибудь подозрительный шум, свидетельствующий о том, что в нем находятся люди. Однако его чуткий слух не смог различить ничего, кроме потрескивания масла в лампе да писка мышей где-то за стеной.

«Похоже, что и впрямь никого... Однако и везет же мне!»

Приободрившись, он принялся обследовать комнаты. В первых трех не обнаружилось ничего, достойного его внимания, зато в четвертой он сразу же заприметил на комодике старинную фарфоровую вазу, а на столе — красивый золотой медальон.

Франсуа положил на стол увесистый сверток, который он все время держал в левой руке, поставил лампу и осторожно открыл медальон. Внутри оказалось изображение младенца — голубоглазого, пухлощекого, с вьющимися белокурыми волосиками. Франсуа с умилением посмотрел на него, мысленно прикинул про себя стоимость медальона и умилился еще больше. Захлопнув медальон, он уже собирался сунуть его себе в карман, когда случайно заметил на плитках пола, сбоку от

себя, какую-то тень, которой секунду назад там не было. Готовый ко всему, Франсуа резко обернулся — и слова замерли у него на губах.

Перед ним, заложив руки за спину, стояла прехорошенькая особа лет двадцати, не более. Ее белокурые волосы были распущены по плечам, а карие глаза, в которых нет-нет да вспыхивали золотистые искры, с любопытством смотрели на ночного гостя. Если добавить, что на особе не было ровным счетом ничего, кроме расшитой ночной сорочки, то станет ясно, отчего Франсуа потерял дар речи.

— Здравствуйте, сударь, — нежно проворковала она. Франсуа побледнел и сглотнул слюну.

— А... э... Здравствуйте, сударыня, — проямлил он.

В сущности, ему следовало не говорить, а действовать. Потому что в следующее мгновение воздушное видение извлекло из-за спины правую руку, и оказалось, что оно держит в ней ту самую увесистую фарфоровую вазу, которая до сего мгновения мирно стояла на комодe.

Должно быть, в Париже внезапно произошло землетрясение. Весьма возможно также, что на Европу ни с того ни с сего обрушился гигантский ураган. Или какой-нибудь не в меру игривой комете пришла в голову мысль лягнуть нашу многострадальную Землю, после чего та сошла со своей орбиты и город Париж съехал к Северному полюсу. По крайней мере, у Франсуа не было других объяснений тому странному факту, что потолок вдруг обвалился на него, а стены накренились и заплясали в каком-то диком танце. Последнее, что он помнил, было склонившееся над ним лицо чаровницы и золотистые огонечки в ее глазах, после чего Франсуа окончательно провалился в блаженное небытие.

ЧАСТЬ I

ДЕВУШКА С ЗОЛОТЫМИ ГЛАЗАМИ

ГЛАВА I

— Ваше превосходительство, к вам баронесса Корф. Начальник российской секретной службы Багратионов поднял голову от письма, которое читал, и с любопытством поглядел на слугу.

— Уже? Хорошо, проси.

Большие старинные часы пробили три раза и начали играть гавот, когда баронесса Амалия Корф вошла в кабинет. «Однако она пунктуальна», — с невольным уважением подумал Багратионов. Он отложил письмо в сторону и поднялся из-за стола.

Камергер Багратионов заступил на должность начальника особой службы всего два года тому назад, сразу же после трагической гибели императора Александра Освободителя. С баронессой Корф, которую тогда звали Амалией Тамариной, ему еще не приходилось сталкиваться, потому что примерно в то же время, после блестяще выполненной миссии, Амалия покинула особое ведомство и вышла замуж, сделав весьма удачную партию. Однако весной 1883 года обстоятельства, по видимому, переменились, потому что баронесса подала прошение о зачислении ее обратно в службу, несмотря

на то, что у нее имелись муж и маленький ребенок. Все это весьма интриговало камергера.

«Либо она отчаянная авантюристка, либо просто неумная взбалмошная особа», — решил Петр Петрович, узнав о прощении. Однако за прощением последовало еще одно послание, и оно было подписано таким высоким лицом, с мнением которого почтенный камергер никак не мог не считаться. Именно поэтому он и назначил сегодня баронессе встречу в три часа пополудни.

Петр Петрович поцеловал даме ручку, рассыпаясь в галантных комплиментах, а сам тем временем не переставал ломать голову над тем, что же собой представляет загадочная баронесса Корф. Для авантюристки у нее слишком усталые глаза, а для взбалмошной особы — слишком безмятежное лицо. Поняв, что ему никак не удастся подыскать для нее подходящее определение, он решил начать с самого начала.

«Молодая. Лет двадцати? Да, пожалуй, что так. Красивая. Очень красивая, — поправил он себя. — Белокурые волосы, черные брови — скорее всего, полячка или отчасти полячка... Рот с четко очерченными уголочками, наводящими на мысль о решительности. Глаза карие, обыкновенные...»

Но тут в «обыкновенных» глазах полыхнули совершенно необыкновенные искорки, и Багратионов, что с ним случалось нечасто, смешался. Ну, конечно, собеседница догадалась, что он пытается ее раскусить! А она, кстати, занималась тем же самым в отношении его самого.

«Багратионов Петр Петрович, камергер, тайный советник и кавалер Белого Орла, — перебирала в уме известное Амалия. — Еще не старый — около сорока пяти, наверное. Очень любезен, манеры располагающие, лицо добродушное, даже, может быть, простоватое, но это

впечатление наверняка обманчиво. Чрезвычайно некрасив. О таких моя горничная Дашенька говорит: «Страшен до блеска», но, в конце концов, он же начальник тайной службы, а не *jeune premier*¹ в театре... Интересно, что он обо мне думает?»

«По-моему, она умнее, чем кажется, — решил Петр Петрович. — Значит, с ней можно будет иметь дело».

И он запорхал вокруг Амалии мотыльком, пододвигая ей самое удобное кресло, справляясь, не душно ли ей, а то он может приказать открыть окно. Но Амалия ненавидела сквозняки — сказывалась семейная predisposition к чахотке.

— Благодарю вас, ваше превосходительство, мне хорошо и так.

Багратионов вернулся за свой стол и сел. На глаза ему попались последние строчки письма, которое он читал до прихода баронессы, и по старой привычке человека, имеющего дело со всякого рода секретами, Петр Петрович повернул страницу текстом вниз.

— Должен сказать, баронесса, — промолвил он, и его маленькие глазки превратились в совсем узенькие щелочки, — мы весьма наслышаны о вас. Как вы добыли ту картину — это просто потрясающе!

Амалия покраснела от удовольствия.

— Мне просто повезло, — сказала она.

— Право же, баронесса, вы чересчур скромны, — заметил Багратионов, испытующе глядя на нее. — Конечно, хорошо, когда в деле присутствует удача, но ведь на самом деле она — награда за упорство и неустанный труд. Разве не так?

¹ Актер в амплу первого любовника (*франц.*).

— Пожалуй, я соглашусь с вашим превосходительством, — помедлив, проговорила Амалия.

— Мне казалось, что удача сопутствовала вам всегда, — невозмутимо продолжал Петр Петрович, еще зорче наблюдая за баронессой. — Я знаю, что люди уважают вас и восхищаются вами. Вы вышли замуж за прекрасного человека, у вас замечательная семья...

«Он меня испытывает», — мелькнуло в голове у Амалии. Она холодно сощурилась, не переставая улыбаться несколько искусственной улыбкой, которая так мало шла к ее прелестному тонкому лицу.

— У меня была замечательная семья, — более чем сдержанно промолвила она. — А сейчас я подала на развод.

Багратионов сделал вид, что крайне удивлен.

— Но почему, Амалия Константиновна? Насколько я знаю, ваш муж в вас души не чает. Когда он женился на вас — я помню, там была крайне романтическая история, — он сделал это ради большой любви. В свете вам тогда очень завидовали. Иные девушки отдали бы все, чтобы только оказаться на вашем месте!

— У меня нет никаких претензий к барону Корфу, — ледяным тоном отозвалась Амалия. — Он очень хороший человек. Просто мы не можем жить вместе. Такое бывает, ваше превосходительство, и гораздо чаще, чем обычно думают.

Багратионов нервно кашлянул. Даже начальник секретной службы в некоторых ситуациях остается просто человеком, и сейчас Петру Петровичу было чисто по-человечески любопытно, что же такое произошло между бароном и баронессой, что она столь скоропалительно решила на развод. Может быть, он изменял ей? Грубо с ней обращался, злоупотреблял выпивкой, проматывал ее состояние? Но у барышни Тамириной до

свадьбы никакого состояния не водилось, а что до всего остального, то Багратионов не слышал, чтобы Александр Корф пил, третировал свою жену или обманывал ее. В свете подобные вещи утаить практически невозможно. То, что Амалия сказала чистую правду, камергеру даже в голову прийти не могло.

— Насколько мне известно, развод — весьма и весьма хлопотное дело, — заметил Багратионов.

И вновь в карих глазах мелькнули золотистые искры.

— Его императорское величество обещал мне свое содействие в этом хлопотном деле, — небрежно, будто речь шла о каком-то пустяке, уронила Амалия. — Но взамен я должна оказать одну услугу. Какую — вам должно быть известно лучше меня.

Багратионов покосился на лежащее перед ним письмо. Даже не видя текста, он знал, что оно подписано императором.

— Да, его императорское величество выразил пожелание, чтобы сия миссия была поручена именно вам, — подтвердил он. — Насколько я могу предположить, государь не сказал вам, в чем состоит сущность вашего... гм... поручения?

— Я только знаю, что оно весьма конфиденциальное, — спокойно заметила Амалия.

Багратионов кашлянул и пригладил седеющие виски.

— Да, пожалуй, что так. — Он поднялся с кресла, подошел к входной двери, проверил, не стоит ли за нею кто, тщательно прикрыл ее и вернулся на свое место. — Вам что-нибудь говорит фамилия Мещерский?

— Вы имеете в виду князей Мещерских? — подняла брови Амалия. — Разумеется, мне неоднократно доводилось слышать о них.

Багратионов метнул на нее быстрый взгляд.

— А о княжне Марии Мещерской вы что-нибудь... слышали? — как бы между прочим, осведомился он.

Амалия нахмурилась. Она начала понимать. Княжна Мария Элимовна Мещерская была юношеской любовью правящего императора. В пятнадцать лет она осталась круглой сиротой, и ее воспитывала бабушка, постоянно жившая во Франции. Пленительная, с гибким станом и чарующими глазами, княжна Мария вскружила голову молодому Александру, который беззаветно полюбил ее. В ту пору он не являлся наследником престола, потому что его старший брат Николай был еще жив, и мог мечтать о личном счастье. Но, как только Николай скончался от туберкулеза, все в одночасье переменялось. Александр стал преемником своего отца, но одновременно с местом брата он унаследовал и его невесту, принцессу Дагмару Датскую, на которой должен был жениться, несмотря ни на что. Тщетно молодой Александр настаивал, умолял, хотел отречься от престола — все уже было решено. Состоялся тяжелый разговор с отцом, во время которого обычно сдержанный царь будто бы даже вlepил сыну пощечину. На упряма было оказано невиданное давление, и в конце концов ему пришлось смириться. Он навсегда простился с любимой и женился на Дагмаре, а через некоторое время вышла замуж и княжна Мещерская. Казалось, что жизнь мало-помалу берет свое, но на самом деле это была не жизнь, а смерть. Менее чем через год после свадьбы Мария, которую обожал наследник, скончалась от родильной горячки. Ей было всего двадцать четыре года.

— Мне кажется, я знаю, кого ваше превосходительство имеет в виду, — медленно проговорила Амалия. — Но ведь она умерла... Много лет назад.

— О да, — вздохнул Багратионов. — Все люди смерт-

ны, подвержены плену, баронесса... Но не слова. Слова, знаете ли, бывают иногда удивительно живучи... особенно если их писала императорская рука.

И он со значением поглядел на Амалию.

— Значит, письма, которые государь писал княжне, сохранились? — тихо спросила Амалия.

Багратионов подался вперед.

— Не совсем так, Амалия Константиновна. Когда они расстались с княжной... по обоюдному, так сказать, согласию... они вернули друг другу письма. К несчастью, — камергер дернул щекой, — к большому нашему несчастью, одна из гувернанток в доме Мещерских... мадемуазель Перпиньон... сумела добраться до переписки и завладела некоторыми письмами его величества. В то время, в том состоянии, в каком его величество находился... он не заметил пропажи, когда княжна вернула ему его послания.

— А дальше? — спросила Амалия спокойно.

Багратионов улыбнулся:

— Дальше, Амалия Константиновна, было то же, что всегда бывает в подобных случаях. Мадемуазель Перпиньон вернулась во Францию. Какое-то время она продолжала жить своим трудом, но наступил день, когда ей понадобились деньги, и тогда она отправилась к некоему месье де Монталамберу, который и купил у нее письма.

— А этот месье де Монталамбер... — начала Амалия.

— Его полное имя Андре Изидор Шарль Луи Филипп де Монталамбер, — мягко продолжал Багратионов. — Он граф, но его титул не мешает ему заниматься разными делами, весьма предосудительными с точки зрения закона.

— Он шантажист?

— Ну, в общем, да, — легко подтвердил Петр Петрович. — Но при всем при том весьма уважаемый человек.